

Д А Р А

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ ЛОРДА БАЙРОНА,

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСАНДРА НОСКОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛІВАНОВСКАГО.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чшобы по оппечашаніи предспавлены были въ
Цензурный Комишетъ' шри экземпляра. Москва , 1829 года
Маія 15 дня. Цензоръ *Владиміръ Измайловъ*.

СОФИИ ИВАНОВНѢ

КОРОВНЕВИЧЕВОЙ-БАЗИЛЕВИЧЕВОЙ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

1

Ливують въ Ларѣ старѣ и младѣ,
Забыли иго рабства слуги,
Звучашъ покалы, дремлютъ плуги —
Пріѣхалъ Лары Графѣ назадѣ.
Въ камниѣ свѣшмый огонь пылаешъ,
И яркимъ блескомъ освѣщаешъ
Померкшихъ стеколѣ песпрый цвѣшъ;
На башняхъ флаги въ вѣтрѣ вышся
И клки радостей несущся
Веселья общаго привѣшъ.

Вернулся онъ подъ кровъ надежный;
 Но отъ чего же край родной
 Покинулъ Лара молодой,
 Чшобъ свѣша въ океанъ безбрежный
 Пусшишься? — Рано пошерялъ
 Ошца и машь онъ смершной долей,
 Въ наслѣдіе отъ нихъ пріялъ
 Сокровищъ шьму, и съ спрасшной волей
 Богащства спалъ владыкой онъ.
 Везъ наставленья, безъ совѣша,
 Чушь юноша, средъ бурей свѣша
 Онъ шарцамъ подавалъ законъ;
 За шагомъ шагъ — отъ заблуденья
 Недалеко до пресшупленья.
 Полешъ его коршокъ былъ,
 Но ахъ, полжизни сокрушилъ!

Сшрану ошцевъ, сшрану рожденья,
 Онъ на чужбину промѣнялъ
 И жизни слѣдъ его пропалъ
 Подъ прахомъ давняго забвенья,

Ужь пусто въ замкѣ много лѣтъ ;
 Все мрачно въ немъ и одиноко ;
 Опець въ гробу, а сынъ далёко
 Въ краю родномъ и вѣспи нѣтъ.
 Въ необищаемой храмнѣ,
 Не раздаётся въ пишинѣ
 Названье Лары, лишь въ каршинѣ —
 Чернѣетъ образъ на стѣнѣ.
 Невѣста Лары ужь женою
 Давно другаго, не его ;
 Наслѣдникъ съ алчною шоскою
 Ждетъ смерти нужной для него.
 Щишы всѣхъ предковъ украшающъ
 Проспранный зданія покой
 И въ пыльный рядъ свой ожидающъ
 Щишъ сняшый Графскою рукой .

4

Но вдругъ явился Графъ нежданный ,
 Зачѣмъ, откуда прибылъ онъ ?
 Какой судьбою приведёнъ
 Съ чужбины въ ошческія страны ?
 Пажъ, юный проводникъ его
 Подъ небомъ чуждымъ свѣтъ узрѣвшій,

Прекрасный, вѣжливый.—Какъ давно
 Изъ дальнихъ странъ шеперь пришедшій
 Графъ, небывалъ въ дому опцовъ!
 Онъ возвратился—но слѣдовъ,
 Проложенныхъ годовъ стопою,
 Кто слабый смертный избѣжишь?
 Среди трудовъ, среди покою,
 Всѣхъ, всѣхъ равно она шагчишь;
 Вчера, какъ легкой сонъ умчалось,
 Небышь тому, что миновалось!

Во цвѣтѣ мужесквенныхъ лѣтъ
 Явился Лара изъ чужбины,
 Лишь легкія на лбу морщины
 Гласили молодости вѣтъ!
 И вѣтъ ея и заблужденій;
 Онъ бросилъ ихъ, забышы всѣ;
 Черты трудовъ и размышлений
 Носилъ на гордомъ онъ челѣ.
 Проспуки миновавщей жизни,
 Когда онъ жилъ еще въ опчизнѣ
 Прощающъ юности лѣтамъ;
 Въ послѣдствіи жъ — ни кто не знаешь,
 Все неизвѣстность покрываешь. . . .
 Здѣсь знаютъ Лару — по гербамъ!

Какъ мужъ и онъ перемѣнился ;
Холодность лдяная въ чертахъ,
Спрасшей пожаръ въ груди дымился,
Но огонь по прежнему въ очахъ,
Глубоко въ душу проникая,
И мысль чужую похищая.
Блиспалъ палящій Лары взоръ,
Замѣтно къ славѣ въ немъ презрѣнье,
Безмолвный счастію укоръ
И колкое всего сужденье.
Надежда, слава, честь, любовь —
Кумиръ и цѣль мирскихъ желаній,
Не воспаменяли Лары кровь ,
Остывшую среди спраданій,
По незадолго власшь надъ нимъ
Они, казалось, пошеряли.
Зародышъ шяжкой въ немъ печали
Остался тайною хранимъ.

О дняхъ былыхъ воспоминаній
Угрюмой вишязь не шерфлв ;

Никшо и проникашь не смѣль
 Его таинственныхъ дѣяній.
 Когда касался разговоръ
 Проводника его младова,
 То сей послѣдній. ни полслова
 И пошуплялъ унымый взоръ.

7

Породою высокъ и знашенъ,
 Графъ Лара въ свѣшлый кругъ всшупилъ,
 Возвратъ его былъ всѣмъ пріяшенъ;
 Весѣдъ онъ шумныхъ зришель былъ;
 Въ немъ гордый духъ не колебали:
 Сшраданыя, радости чужихъ,
 Онъ какъ волны водъ морскихъ
 Въ скалу безсильно ударяли.
 Ошъ прочихъ смершныхъ ошдѣленъ,
 Онъ былъ волшебною чершою;
 Средь общесшвъ всѣхъ уединенъ,
 Съ холодною смошрѣлъ душою
 На рой красавицъ молодыхъ,
 На чесшлюбія порывы
 И Лара важный, молчаливый
 Недосыгаемъ былъ для нихъ.

Съ невольнымъ пренешомъ взирала.
 Толпа просная на него ;
 Но часто въ немъ душа мелькала
 Добрѣе виѣшности его.

8

Въ лѣша спрасшѣй, въ лѣша желаній,
 Гдѣ мы бѣжимъ за суешой,
 Гдѣ ясенъ намъ весь кругъ земной,
 Гдѣ мы живемъ въ пылу мечпаній —
 Онъ все на свѣшѣ испышалъ;
 Испилъ до дна всѣ наслажденья,
 Испилъ — и съ чувшвомъ ошвращенья
 Разбилъ всѣхъ радостей фіаль.
 Души волненъе презирало
 Стихій слабѣйшую борьбу
 И мысль младую увлекало
 Туда, — въ надзвѣздную сшрану.
 Весь спрасшью бывъ — онъ пробудился !
 Чѣмъ сонъ волшебный прекрашился,
 Онъ умолчалъ — но проклялъ мигъ,
 Чшо послѣ сна въ немъ жизнь засшигъ.

Гнепомъ душевною шоскою
 Оспрады въ книгахъ онъ искалъ.
 Дни, ночи, часо провождалъ
 Въ бесѣдѣ съ мершвой головою.
 Тогда по хранимъ пусшой
 Гдѣ лики прадѣдовъ мелькали,
 Рабы его² средь шьмы ночной
 Шаги поспѣшныя слыхали.
 «Зачѣмъ въ урочный ночи часъ,
 «Онъ не покоишся, не спишь?
 «Чшо черевъ гнусный онъ хранишь?
 «Зачѣмъ скрывается отъ насъ?
 «Кшо былъ безбожникъ дерзновенной
 «Опнявшій пицу у червей?
 «Съ кѣмъ звуки спранные рѣчей,
 «Когда лишъ онъ не спишь въ вселенной?
 «Тушь чшо-шо есть — но какъ узнашь
 «Кшо знаешь, принужденъ молчашъ,
 «А еслибъ» Вотъ чшо пихомолкомъ
 Вассаловъ было общимъ шолкомъ.

Спустилась ночь — ни вѣтерка

Надъ темно-синими спруями,
 И сводъ небесный и рѣка
 Блистающъ свѣшлыми звѣздами.
 Вода чухъ движешся волной,
 Но непримѣнно ушекаетъ,
 Какъ радость жизни молодой!
 Коверъ зеленый распилаетъ
 Свой влажный шелкъ по берегамъ,
 И къ шихимъ наклонясь водамъ
 Подъемлетъ къ небу дубъ масшистый,
 Во мракѣ ночи, мракѣ вѣшвей
 И нѣжная краса полей
 Цвѣшетъ при немъ цвѣшонъ душистый;
 И шихо всё въ прозрачной мглѣ
 И въ небесахъ и на землѣ,
 «Здѣсь добрый можешъ наслаждашься!»
 Подумалъ Лара и назадъ
 Пошелъ, пошупивъ мрачный взглядъ.
 Ему не лъзя шамъ оспавашся
 Природа ночь не для него
 Красою дивною одѣла,
 Ахъ! ешлибъ буря заревѣла
 И пала на главу его

Въ нѣмомъ раздумьи сокрушенья,
 Идешъ онъ медленной шпопой
 Въ уединенный пошъ покой.
 Гдѣ прадѣдовъ изображенья
 Единымъ знакомъ жизни ихъ,
 Ихъ доблесней, грѣховъ осшались
 И для пошомшва сохранялись.
 Тамъ Клію для спраницѣ своихъ
 И свѣшъ и шѣни выбираешъ;
 И презирая шокъ временъ,
 Глазамъ пошомшвенныхъ племенъ,
 Дѣянъ предковъ предшавляешъ.
 Идешъ — въ сіяніи луны,
 Съ нимъ шѣнь несешся вдоль шѣны.
 И вошъ онъ въ мрачномъ переходѣ —
 На песпрыхъ шеклахъ, древнемъ сводѣ
 Являлись образы свяшыхъ
 Въ молишвѣ долу преклоненны,
 Въ черпахъ чудесныхъ, не земныхъ
 Они казались оживленны.
 И волосъ дыбомъ — онъ идешъ,
 И пышныхъ перьевъ колебанье

И свѣша тусклое мерцанье
Ему ликъ призрака даетъ.

12

Полночь! — покой во всей вселенной,
Послѣдній свѣтъ во шѣмѣ погасъ
Все тихо — вдругъ невнятный гласъ,
Крикъ, стонъ, зовъ ужаса смященный,
Всѣ своды замка огласилъ . . .
Замолкло всё — но стонъ призывный
Слугъ сномъ объяшыхъ разбудилъ.
Покинувъ одръ, на голосъ дивный
Они смущенные бѣгутъ:
Мечи въ рукахъ ихъ и свѣшочи.
Они спѣшашъ во мракъ ночи,
Не зная гдѣ, куда зовушь?

13

Хладнѣй, бездушнѣе плиши,
На коей онъ лежалъ,
Блѣднѣй чѣмъ мѣсяцъ съ вышины
Въ прорѣзъ окна сіялъ,
Былъ Лара; подъ рукою мечъ,

Убийства гладь въ чертахъ,
 И замерла угрозы рѣчь
 На омрачныхъ устахъ ;
 Полузакрышый взоръ блискалъ
 Подъ смерти пеленой,
 Огнемъ кошорый выражалъ
 Бойца стремленье въ бой.
 Подвѣли Графа, дышешъ онъ
 И въ ликъ всушила кровь,
 Проходишь хладный смерти сонъ,
 И сила жизни вновь
 По лдянымъ членамъ прошекла.
 Онъ мещешъ дикой взглядъ
 И непоняшныя слова
 Изъ устъ его лешашъ.
 То былъ языкъ не странъ родныхъ :
 Казалось, онъ вѣщаль
 Тому , кто ихъ ужь не слыхаль,
 Не могъ услышашъ ихъ !

Подходишь пажъ: шѣ изрѣченья
 Поняшны шолько для него.

Его чершы, его движенья ,
 Печаль, смущеніе его,
 Казалось, ясно говорили
 Толпѣ шрепещущихъ рабовъ,
 Чшо мысли незнакомыхъ словъ—
 Чувствъ Лары недосшойны были ;
 Смѣлѣе всѣхъ вѣщаетъ онъ
 Ему въ словахъ иноплеменныхъ.
 Ошъ звукѣ словъ сихъ вдохновенныхъ
 Теряешя ужасный сонъ —
 Коль былъ шо сонъ, чшо грудь шерзало,
 Грудь, въ коей сердце изнывало
 Своей шайншвенной шоской ,
 Не бывъ вспревожено мечшой.

15

Томъ сонъ, шо спрашное видѣнье,
 Какое ни было оно,
 Подъ спудомъ шайны и забвенья
 Въ душѣ его погребено.
 Проснулся день : съ его лучами
 Убишый въ Ларѣ духъ восшалъ,
 И подъ холодными чершами
 Никшо изъ смершныхъ не чишалъ

Его минувшаго смяшенья.
 Улыбка шаже на устахъ,
 Все шопъ же онъ въ своихъ дѣлахъ,
 Все шопъ. Въ часы отдохновенья,
 Быть можешь, сумрака покровъ
 И ужасаетъ духъ надменной. . .
 Но для толпы его рабовъ,
 Спокойство Лары неизмѣнно.
 Въ оцѣлахъ замка боковыхъ
 Никто изъ нихъ одинъ не ходитъ;
 И шайный шрепетъ имъ наводитъ
 Шумъ листвьевъ въ деревьяхъ густыхъ.
 Они дрожатъ воспоминанья
 Той ночи грозной, роковой. . .
 Скрывъ флюгера, воротъ степенье,
 Обоевъ прескъ и вѣпра вой —
 Всё съ новой силой оживляетъ
 Едва разсѣявшійся страхъ
 Слугъ Графа, если на поляхъ
 Ночь черный флёръ свой просшираетъ.

16

Но мрачный часъ не наступалъ
 Опяшь, ихъ щещно ожиданье.

Назалось, Лара пошерялб
 О немб совсѣмб воспомнанье.
 Ужаснѣй спалб онб для своихб . . .
 Поспичь не могб никшо изв нихб,
 Какб дикихб знаковб изсшупленья
 Онб не носилб вб своихб чершахб ,
 Какб не промолвился вб словахб,
 Не измѣнилб себѣ вб движеньяхб!
 Ужель шо ѣсонб? Его ли крикб
 По сводамб замка раздавался
 И вб душу спящимб имб проникб?
 Его ль шо взорб, гдѣ отражался
 Смершельныхб мукб угрюмый ликб?
 Ему ль забышь свои спраданья,
 При видѣ коихб содроганье
 Обьемлешб всѣхб его рабовб?
 Иль слишкомб глубоко для словб
 Вб немб тайны скорби заключенны . . .
 Ихб взорб ничей не усмошрѣлб;
 Языкб догадки опдаленны
 Произнося , вб ушахб нѣмѣлб.

17

Таиншвенный, непоспижимый,
 Онб возбуждалб участие, спрахб ,

И гласъ молвы неушомимый
 Вѣщаль о немъ въ хулахъ, въ хвалахъ.
 Въ немъ даже самое молчанье
 Естъ пища праздности людской;
 Всѣ мыслью заняты одной:
 Кшо онъ? — То чудное созданье,
 Извѣстенъ коего лишь родъ,
 Чшо знакомцемъ въ нихъ живешь?
 Врагъ людямъ? Но его видали
 Веселымъ въ радости бесѣдъ . . .
 Лишь наблюдая примѣчали,
 Чшо смѣхъ его, дыша печали,
 Носилъ насмѣшки рѣзкій слѣдъ.
 Порой же свѣшлой шишиною
 Померкшій ликъ его блискалъ;
 Но если онъ шо замѣчалъ,
 Вновь покрывался шемношою
 Разсвѣшшій взоръ; — духъ мощный въ немъ
 Чшилъ мягкосшь чувсшва униженьемъ
 И презирая свѣша мнѣньемъ,
 Жилъ грусшю въ себѣ самомъ.
 Вкусивъ оправы спрасшной сладосшь,
 Успрашивъ щасшя и радосшь
 Любовью, въ цвѣшѣ юныхъ дней,

Онъ ненавидѣлъ всѣхъ людей,
 Онъ истребилъ въ груди желанье,
 И избралъ скорбь и покаянье.

18

Казалось, онъ негодовалъ
 На цѣлый міръ, на все шворенье,
 И между смершными блуждалъ,
 Какъ духъ, какъ казни привидѣнье,
 Какъ шѣнь изъ сѣни гробовой,
 Гонимая судьбы рукой.
 Ахъ! Онъ любилъ въ лѣта младыя
 Едвадь шакъ праха сынъ любилъ —
 И голосъ спрасни соврашилъ
 Безпечнаго съ спези благія.
 Онъ заблужденія узрѣлъ . . .
 И мужъ о юношѣ скорбѣлъ.
 Ушрапивъ годы золошые
 И силы юности своей,
 Узналъ онъ совѣспи грызенье,
 И въ мрачномъ духа сокрушеньи
 Взиралъ на шокъ минувшихъ дней.
 Но слишкомъ гордъ себя виною
 Назвашь несчасья своего,

Онъ все слагалъ на естество,
 На плоть, кошорая собою
 Сшѣсняетъ духъ и въ снѣдь землѣ
 По разрушеньи досшаешься,
 Пока въ заблудшемся умѣ
 Смѣшалъ, что зломъ, добромъ зовешся;
 Пока подѣ произволомъ дѣлѣ,
 Онъ неизбѣжность разумѣлѣ.
 Онъ могъ и добрымъ бышь порою :
 Но гордостью ведомъ одною,
 Къ добру тогда лишь посягалъ,
 Когда никто ужь не дерзалъ. —
 И тоже самое стремленье
 Надменнаго и къ злу влекло —
 Гдѣ шварь шренещешъ, видя зло,
 Тамъ Лара впалъ во пресшупленье. . .
 Ему нельзя съ другими жишь
 Въ одномъ кругу, въ одномъ семействѣ ;
 Удѣлѣ его превосходишь
 Ихъ въ доблести или въ злодѣйствѣ.
 Съ усилениемъ ошторгся онъ
 Ошъ обласшей опредѣленья ,
 И презирая прахъ шворенья,
 Свой создалъ мѣръ и свой законъ.

Съ шѣхъ поръ уже, какъ всё земное
 Ушрашило надъ Ларой власъ,
 И кровь шекла его въ покоѣ.
 Ахъ! еслибъ не взмуцала спрасъ
 Ея спокойнаго печенья! . .
 Теперь, замѣшанный въ шолѣ,
 Онъ шелъ по изменной шропѣ
 Въ предѣлахъ шѣскихъ назначенья.
 Наружность свяшо онъ хранилъ,
 Смиряя буйные порывы ,
 И ошорожный, молчаливый
 Для всѣхъ непроницаемъ былъ.

19

Пензгладимы осшавались
 Его холодныя чершы
 Въ шѣхъ, кон разъ съ нимъ повспрѣчалсь
 Какъ въ снѣ предчувствія мечшы,
 Разъ овладѣвшія душою,
 Напрасно щцимся испребинь :
 Такъ Лары ликъ не позабышь
 Съ его безмольвною шоскою.
 Кшо зрѣлъ его, шого влечешъ
 Къ нему, опяшь его увидѣшь,

Любишь, боясь, ненавидѣшь. . .
 Онъ чувствуешь — но слова нѣтъ,
 Чѣмъ выразишь, какою силой
 Плъняешь образъ томъ унылой.
 Ты зрѣлъ его — и онъ предмѣтъ
 Неопразимый, неосщупный
 И помышленийъ всѣхъ и думъ,
 Онъ занимаетъ сердце умъ:
 Но шѣменъ, скрытъ, и недосщупны
 Спези къ познанію его.
 Ты шайны сердца своего
 Скорбе самъ предъ нимъ ошкроешь,
 Чѣмъ до бездонной глубины
 Той копи мрачныя дороешь,
 Гдѣ корни чувствъ погребены.
 Спрашисъ: въ немъ все очарованье,
 Его присущствіе свинецъ,
 Онъ исторгаешь сосщраданье,
 Онъ вѣчный власщелинъ сердцецъ.

Пиръ свѣшлый, пышное собранье,
 Всѣ лучшіе дома спеклись.
 И шумъ рѣчей и ликование,

Какъ волны моря, пролились.
 И гость высокій и привѣшный
 Всшупаешь Лара въ Ошшовъ залъ,
 Гдѣ рой красавицъ разноцвѣшный
 Средь шучи вишязей мелькалъ,
 Согласныхъ шоновъ слышны звуки,
 Кружашся легкою спопой,
 И сведнясь сердца и руки,
 Сплешали узы межъ собой.
 И радость рѣзвая срывала
 Печали съ грушнаго чела,
 И старость годы забывала,
 И молодость краснѣй цвѣла.

21

И въ шихомъ духа наслажденьи,
 И Лара прислонясь къ шолпу,
 Взиралъ на пешпрую шолпу,
 Сложивши руки, въ ошдаленьи.
 Съ покойной ясношью чела
 Слѣдилъ онъ взоромъ за красами,
 Кошорыхъ музыка несла,
 Какъ мошылковъ между цвѣшами.
 Ахъ, какъ давно не зналъ ужъ онъ

Такой ошрады безмяшежной,
 Въ кругу безпечности надежной
 Въ раздумьи шихомъ погружёнъ,
 Весельемъ общимъ увлеченный,
 Онъ взора грознаго не зришь,
 Кошорый все въ немъ спорожишь.
 Снесешь ли онъ сей взглядъ надменный!
 Но вошь узрѣлъ — и на челѣ
 Нависли шучи громовыя,
 И рдѣлись очи огневыя,
 Какъ красный жаръ въ полночной мглѣ.

22

«Онъ!» Незнакомецъ вдругъ воскликнулъ.
 «Онъ? Кто онъ?» спрашивающъ всѣ;
 До Лары вѣщій онъ проникнулъ,
 Онъ ошозвалося вездѣ.
 Не многобъ смершныхъ безъ смущенья
 Снесли гласъ *общій* удивленья
 И острый взоръ шомъ *одного*:
 По въ Ларѣ мигъ одинъ смущенья,
 И будшо не было его.
 Спокойно онъ вокругъ зриаешь
 Но незнакомецъ передъ нимъ,

И съ колкой гордостью взываетъ :

«Онъ ! Какъ онъ здѣсь ? Зачѣмъ шепчешь ?»

23

Сие ужь слишкомъ было много

Для сердца Лары промолчашь.

Не вспыхнулъ гнѣвъ, но твердо, строгаго

Онъ удостоилъ ошвѣчашь:

«Мнѣ имя Лара. Я не знаю,

«Кшо ты ? Иначе бѣ показаль,

«Какъ я за дерзости ошмцаю.

«Мнѣ имя Лара, я сказалъ,

«И болѣе не ошвѣчаю.»

«— Не ошвѣчаешь, шочно нѣшъ ?

«Но можешь бышь вопросъ найдешся,

«Кшорой въ сердцѣ ошзовешся;

«И ты невольню дашь ошвѣшъ.

«Забьшь возможноль прешупленья ?

«Взгляни , узнаешь ли меня ?

«Гласъ совѣспи прошивъ шебя:

«Тебѣль ошраду знашь забвенья ! »

На незнакомца усшремилъ

Графъ взоръ свой полный испышанья —

Но въ немъ черпы воспоминанья
 Изъ прежнихъ дней не находилъ;
 И опвернулся онъ съ презрѣньемъ,
 Чѣшобъ словъ напрасно не теряшь.
 Но незнакомецъ подождашь
 Его просилъ: «шы объясненьемъ
 «Мнѣ долженъ; равнымъ бы себѣ
 «Тебя я назвалъ, еслибъ чувсшва
 «Нашелъ я равныя себѣ.
 «Не много надобно искушва,
 «Несправедливосшь опразишь. —
 «Но чшо шы былъ? шо надъ шобою
 «Возвышенъ я, могу судишь
 «Тебя съ нешрешной душою;
 «Ни гнѣвъ, ни взоръ привѣшный швой,
 «Не умягчашь судъ правый мой.
 «Не шыль, дѣлачьи . . . ?» — «Надъ дѣлами
 «Ты не избранъ моимъ судьей;
 «Ты можешь сказкою своей,
 «Начашой лесшными словами,
 «Забавишь женщинъ и дѣшей,
 «Иль шѣхъ, кшо время убивашь
 «Подобнымъ вздоромъ. . . мой досугъ
 «Цѣню я выше. Насъ собираешь

«Въ госшепріимный Ошшо кругъ.
 «Его бесѣду уважаю,
 »И лишъ единому ему
 «Себя и время посвящаю.
 «Въ себѣ жь ошчеша никому! —»
 Подходишъ Ошшо съ изумленьемъ,
 Межъ рыцарей шѣснишся онъ:
 «Госшепріимства свяшъ законъ,
 «И онъ не шерпишъ ссоры, пренья.
 »Когда имѣешь Еццелинъ
 «Сказашъ что Графу, пусть одинъ
 «Услышишъ онъ, а не собранье;
 «Иль завшра здѣсь въ урочный часъ
 «Предшаньше оба — общій гласъ
 «Вамъ дасшъ и судъ и оправданье:
 «Теперь же кончено друзья.
 «Что Еццелина знаю я,
 »Предъ Ларой смѣло въ шомъ ручаюсь,
 «Хошя и онъ, какъ Лары Графъ,
 «Съ чужбины прибылъ. Полагаюсь
 «Я шакже, предковъ Лары знавъ,
 «Что сынъ прославленный ошцами
 «Досшойнымъ явишся межъ нами.»

«И шаю до завтра» Еццелинъ
 Сказалъ. »Здѣсь завтра передъ вами
 «Я посрамлю его дѣлами,
 «Трепещеши коихъ перси сынъ:
 «Мечь, кровь и честь я поставляю
 «Залогомъ правоты своей.»

И что же Лара?—Ахъ, не знаю!
 Померкнулъ свѣтъ его очей;
 Казалось, онъ лишь былъ въ собраньи
 Предмѣшномъ взоровъ и рѣчей —
 Но онъ не зналъ: въ воспоминаьи
 Далеко, въ мрачности былой
 Блуждалъ шрепещущей душой.

24

«Да завтра, завтра!» Вошъ что былъ
 У Лары слышно на ухахъ;
 Но нѣчто скрышное грозило
 Въ сихъ не доконченныхъ словахъ.
 Съ поклономъ легкимъ предъ гѣстями,
 Графъ вышелъ скорыми шагами
 Изъ шумнаго покоя вошъ —
 И выходя, улыбкой всрѣшилъ
 Взоръ вражескй, кошорый мѣшилъ

Его сразишь. Спокоенъ онъ.
 Но смѣхъ въ чертахъ его не радость,
 Не оскорбленной злобы ярось !
 Нѣтъ, шой улыбкою извѣ
 Явился духъ его надменный,
 Своею силой возвышенный
 И въ ней увѣренный вполнѣ.
 Невинность ли въ святомъ шерѣньи,
 Иль закоснѣлось въ прешупленьи
 Явились въ Ларѣ въ эпошъ мигъ? —
 Кшо смершный сердца глушь посшигъ?

25

И Лара позвалъ за собою
 Пажа — и юноша спѣшилъ.
 Привязанный къ нему душою,
 Знакъ Лары онъ закономъ чшилъ.
 Рожденный шамъ, въ сшранахъ далѣкихъ,
 Гдѣ пламень небо и сердца
 Въ мужахъ и дѣвахъ свѣшлоокихъ —
 Одинъ онъ пребылъ до конца
 Для Лары другомъ неизмѣннымъ,
 И къ берегамъ симъ опдаленнымъ
 Ему послѣдовалъ одинъ.

Когда угрюмый властелинъ
 Ему желанья извѣсняетъ
 На языкѣ своихъ ошцовъ,
 Пажъ не охотно имъ видмаешь. . .
 Но звукъ родной ошчизны словъ
 Его движенья овриляешь.
 Они, какъ эхо горъ родныхъ,
 Какъ ошзвъ радости былыхъ,
 Въ немъ струны сердца пошрясающъ,
 Друзей, ошчизну вспоминаяшъ.
 Ахъ, всё покинулъ пажъ молодой,
 Чшобъ Лары вѣрнымъ быть слугой.

26

Печать огня, ошчизны зноя,
 Лежала въ юноши чертахъ,
 И нѣжный ликъ, чело младое,
 Въ палящихъ солнечныхъ лучахъ,
 Пріятной шѣнью пошемиѣли,
 И розы рѣлись на щекахъ.
 Но не здоровьемъ пламениѣли
 Ланишы юныя его.
 Нѣтъ, страсти шайныя клеймо
 Въ румянецъ бѣглому шомъ являлось;

Въ очахъ блескъ дивный, не земной,
 И дума грусти выражалась.
 Въ весельяхъ юности чужой,
 Онъ время проводилъ часами,
 На Лару взоры устремля —
 Иль шамъ на берегу ручья
 Въ уединеньи межъ древами,
 Полубезчувственный блуждалъ. . .
 И онъ вопросовъ избѣгалъ,
 Какъ Лара самъ — спрашась пріязни
 Людей, — какъ осужденный казни!

27

Коль былъ кто юношей любимъ,
 Единый Лара; пажа рвенье
 Поруконъ было въ томъ другимъ.
 Но и въ услугахъ униженъе
 Далеконъ было отъ него.
 Хошя владыки своего
 Искалъ онъ мысль узнать изъ взора,
 По по желанью своему
 Хошѣлъ угоднымъ бышь ему,
 И никогдабъ не снесъ укора.
 Онъ Графу держишь спремена,

Приносишь мечь. Его услуга
 При властелинѣ не шрудна.
 Порой, въ часъ скучнаго досуга,
 Давновминувшей сшарины,
 Чишаешь онѣ ему преданья ;
 Иль звукомъ шрепешной шруны
 Въ немъ будишь сладкія мечшанья,
 Невинности злашыя сны.
 Бѣжишь бесѣды пажѣ съ рабами ; —
 Казалось, родомъ и судьбой
 Онѣ былъ возвышенъ надъ шолпой.
 Слѣдовъ начершанныхъ шрудами
 Не видно было на рукахъ
 Подобныхъ женскимъ и прекрасныхъ ;
 Румянца нѣжности на щекахъ,
 И благородство взоровъ ясныхъ,
 И образованность его
 Согласны были съ общимъ мнѣньемъ,
 Чшо онѣ рожденъ не для шого,
 Чшобы свыкашья съ униженьемъ.
 Въ немъ дикій пламень жаркихъ шранъ
 Порой, какъ молнья, прорывался —
 И мужешвенъ шогда являлся
 Жено-подобный, сшройный шанѣ.

Но онъ ни словомъ, ни дѣяньемъ
 Догадокъ сихъ не подкрѣпилъ.
 Каледъ, шакъ юноши названье,
 Въ своей отчизнѣ не носилъ
 Его казалось — раздаешся
 Такъ часто близъ пажы оно,
 И онъ молчишь — но вдругъ проснется,
 Припомнивъ, что зовушь его.
 Вниманье юноши раждало
 Оно тогда лишь, коль звучало
 Изъ устъ у Лары самага.

Онъ былъ свидѣтелемъ той ссоры
 И ей издалека внималъ.
 Онъ видѣлъ удивленья взоры,
 Когда шакъ скромно опвѣчалъ
 Надменный Лара на упреки;
 Замѣшилъ колкіе намѣки,
 Онъ видѣлъ все, и — поблѣднѣлъ . . .
 Усна поблекшія дрожали,
 И въ пошѣ хладномъ пресступали
 Въ немъ чувства внутренній предѣлъ.
 Что думалъ Каледъ? — Онъ въ молчаньи

Унынье духа заключилъ —
 И взоры мрачнаго вниманья
 На Еццелина устремилъ.
 Улыбку Лары онъ увидѣлъ,
 Улыбку, покидая залъ,
 И юноша зашрепешалъ. .
 Воспоминаньемъ пажъ предвидѣлъ
 Въ чертахъ владыки своего
 Яснѣе, больше, чѣмъ другіе
 Могли чинать въ лицѣ его.
 За Графомъ пажъ сѣвшишъ. — Пустые
 Покои были съ пьмой госшей,
 Когда того средь нихъ не спало,
 Чье пребываніе плѣняло
 Дань помышлений и очей,
 Когда на стѣнахъ корридора,
 При блескѣ шрепешномъ свѣщей,
 Сокрылась шѣнь его ошъ взора,
 Вздохнули всѣ тогда вольнѣй.
 Какъ бы мечша воображенья,
 Какъ грозный призракъ сновидѣнья,
 Изчезло бывшее. . . Одинъ
 Въ собраньи гордый Еццелинъ;
 Чершы его, какъ ночь угрюмы,

Какъ зеркало сердечной думы.
 Не долго медлишь онъ; всааетъ,
 Жметъ Опшо руку и идешъ.

Все шихо въ замкѣ; не блискающъ
 Въ обширной храминѣ огни;
 Хозяинъ, госши, поспѣшающъ
 На одрѣ покоя. Скорбны дни
 На немъ смѣняющся мечшою
 Блаженства, радости живой. . . .
 Тамъ, распроспившись съ суешою,
 Находишь смершный опдыхъ свой;
 Тамъ дремлешъ лешъ, любви шомленья,
 Печали, ненависть враговъ,
 Надменность, слава, злобы козъ —
 Все спишь въ обвяшяхъ забвенья. —
 Во гробѣ нисходишь бышіе. . . .
 Такъ, гробѣ приличное названье
 Для ложа сна, на коемъ все
 Теряешъ жизнь, существованье,
 На коемъ доблешъ и порокъ
 Безъ чувствъ, безъ силъ и безъ защиты

Лжашь, очамь людей ошкрышы;
На коемь гнашь не смѣшь рокь! . . .
Но минешь чась ошдохновенья,
И вновь проснушся всѣ волненья.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

1

Рѣдѣешь мракъ — и на горахъ
Цвѣшокъ въ росѣ благоухаетъ;
Восшокъ зардѣлся въ небесахъ,
Землѣ день новый возвѣщаетъ;
И день грядущій прощечешь,
И мѣсто новымъ днямъ уступишь,
И всѣхъ ихъ время увлечешь —
И день послѣдній всѣмъ насупишь.
Природа въ свѣтлой тишинѣ,
Въ восторгахъ первыхъ пробужденья;
Ужъ всё проснулось въ вышинѣ —
Внизу въ обаяньяхъ усыпленья.

Рѣка зеркальною струёй
 Бѣжитъ надъ чистыми песками ;
 Дыша прохладою живой ,
 Зефиръ порхаетъ межъ цвѣтами .
 Вѣнецъ созданья, человѣкъ !
 Взирай на прелести шворенья ,
 Пока день смертный не придетъ —
 Взирай , и съ чувствомъ умиленья
 Вѣщай, царь міра : всё мое !
 Твое здѣсь крашко бытіе ;
 Ударитъ часъ — и лугъ душистый
 Твой хладный взоръ не приманишь ,
 И слой земли и камень мшистый
 Тебѣ кровъ неба замѣнишь .
 Бышь можешь, скромная могила
 Столпикъ привязанныхъ къ тебѣ ;
 Но лучъ горящаго свѣшила
 Не пошемельешь въ вышотѣ ,
 Ни облачко не навернется
 На прежде-свѣтлый сводъ небесъ ,
 Не пожелтѣешь, не сорвешься
 Листокъ изъ зелени древесъ ! —
 Природа шѣми же красами
 Ошпряднуешь день смертный швой .

Вошъ унро — полдень—всѣ въ собраньи
 Въ нѣмомъ и робкомъ ожиданьи :
 Конца ждущъ ссоры роковой.
 Проходишь часъ, за нимъ другой ;
 И часъ урочный миновался,
 И Лара съ свѣшлой пишиной
 Въ чертахъ, предсталъ передъ толпой.
 А обвинишель не являлся.

И время длился и совѣшь
 Уже приходишь въ нешерифьяе :
 Но Еццелина нѣшь, какъ нѣшь.
 Ужель забылъ онъ обвиненье ?
 И Ошо ждешъ — и гнѣвный сшудъ
 Зажегъ огонь его ланишь.
 Онъ ищешъ другу оправданья:
 «У васъ въ залогъ честь моя !
 «Но Еццелина знаю я :
 «Онъ сшанешъ предъ лицомъ собранья ,
 «Когда онъ живъ; ему я вновь
 «Хочу порукой бышь предъ вами ;

«Но не пустыми лишь словами —
 «Моя порука честь и кровь!»
 И все внимали с уваженьем;
 Досель Лары Граф молчал. . .
 Но Опшо смолк и Лара вспал
 И с колким ошвчал презренье:
 «Я здесь. . . предстал перед судом;
 «Но где же подлый обвинитель?
 «Не он ли нас созвал в свой дом?
 «Не слыш условий был блюстител?
 «Представь сей час клеветника,
 «Без извиненья — все пустое!
 «На то ты слово дал святое. . .
 «Судья наш — острье клинка.»
 И Опшо вспыхнул — и бросает
 Перчатку гордо перед ним. . .
 И меч в десной его блистает:
 «Ошвств гошов словам швоим.»
 И Лары лик не изменился;
 Румянец гнба не явился
 На блдных, мраморных чертах:
 Далек ош Графа низкий страх.
 Как человек привыкший к бою,
 Почти небрежною рукою

Онъ вынулъ кровожадный мечъ.
 Напрасно ищущъ ихъ развлечь. . .
 Не внемлетъ Ошшо увѣщаньямъ
 Въ безмѣрной ярости своей —
 Онъ нападаетъ съ восклицаньемъ:
 «Видалъ ли ты мечи злодѣй?»

4

Бой крашоекъ былъ : какъ изскупленные
 На Лару Ошшо нападалъ,
 Ошкрылъ себя — и обогранный
 Своею кровію упалъ.
 «Живощъ, иль смерщъ?» воскликнулъ Лара,
 Взмахнувъ для новаго удара
 Булащъ надъ вражеской главой. . . .
 Но шощъ молчощъ — и адской мглой
 Покрылся Лары ликъ холодный;
 Какъ на добычу звѣрь голодный,
 Гванулся онъ. . . . огонь въ чершахъ,
 Убійство, кровь въ его очахъ.
 Схващили руку — въ изскупленьи
 Онъ обращаетъ острый мечъ
 На шѣхъ, кошорыхъ сожалѣнье
 Искало Ошшо дни сберечь. .

Но вснорѣ охладѣла злоба —
 Онѣ на прошивника смошрѣлъ,
 Какѣ будшо бы узнашь хошѣлъ,
 Далекѣ ли врагѣ его отѣ гроба. . .
 Но дышешѣ онѣ — и Лары взорѣ
 Вѣщаль руиѣ нѣмой унорѣ.

5

Приходишѣ врачѣ и для больннца
 Покой дальнѣйшій ошведенѣ;
 Всякѣ пошпороннїи ошдаленѣ.
 При немѣ не смѣюшѣ молвишѣ слова. . .
 Ошходяшѣ всѣ вѣ другой покой —
 Лишь шотѣ, кшо былѣ всему виной,
 Вѣ минувшей брани побѣдншель,
 Врага кнчливаго смнришель,
 Идешѣ безпечною стопой
 Изѣ замка; на коня садншя
 И выѣзжаешѣ шнхо вонѣ.—
 Назадѣ, гдѣ врагѣ его шомнншя,
 Не оглянулѣ даже онѣ.

6

Но гдѣ же ночи привндѣннє,
 Мелннувшее канѣ метеорѣ?

Гдѣ шовъ, кошораго явленье
 Мгновенно ослѣпило взоръ?
 Гдѣ обвинитель шовъ чудесный?
 Во мракѣ ночи, сводъ небесный
 Надъ сонною землей дремалъ,
 Когда оставивъ Опшо залъ,
 Въ свой замокъ Еццелинъ пустился.
 Хотя темно, но пушь знакомъ
 И близокъ Еццелина домъ:
 Не лъзя, чтобъ рыцарь заблудился.
 Но бѣлой день, а онъ домой
 Не возвращался, — всѣ въ движеньи,
 Всѣ ищущъ — пуштъ его покой
 И въ стойлѣ конь; рабы въ смяшеньи.
 Убийства на пуши слѣдовъ
 Не видно, нѣштъ окровавленныхъ
 Ни пашень, ни одеждъ кусковъ,
 Нѣштъ стеблей муравы согбенныхъ
 Паденіемъ, или борьбой,
 Въ песокъ нѣштъ знаковъ смершной мунн,
 Когда хладѣющія руки
 Могилу роютъ подъ собой.
 Еще внимашъ надеждъ можно. . .
 Гласъ общій пихо, осторожно

Съ укоромъ Лару называлъ
 И зарождалось подозрѣнье —
 Но грозный вишязь появленьемъ
 Успамъ молчанье налагалъ.

7

Проходишь время, дни за днями —
 И Ошто одръ покинулъ свой.
 Онъ шѣломъ здравъ, но не душой :
 Какъ ястребъ оспрыми кохшями,
 Въ ней жажда мщенія впилаась.
 Душа надменная рвалась
 Губишь врага. Какъ обвинишель,
 Какъ Еццелина другъ и мстишель,
 Зовешъ онъ Лару передъ шронъ.
 Отъ Лары ждешъ опвѣща онъ
 Въ судьбѣ постигшей Еццелина,
 Въ лицѣ вельможъ и власшелина.
 Кому ужасенъ могъ онъ бышь,
 Какъ развѣ Лары злодѣяньямъ ?
 Кого шягчилъ сущесшвованьемъ ?
 Кшо могъ несчастнаго сгубишь,
 Какъ шомъ, кшо спалъ бы предъ вселенной
 Поруганный и посрамленный,

Тогдабѣ, какъ съ скрышнаго чела
 Личину правда сорвала?
 Его угрюмосшь, ошдаленье
 Ошѣ всякихѣ общесхва связей,
 Его шаинсшвенносшь, сомнѣнье
 Доселѣ въ выборѣ друзей,
 Та опышносшь въ бою, искушво
 Съ холодносшью владѣшь мечемъ. . .
 И кровожадной злобы чувшво,
 Мелкнувшее невольню въ немъ —
 Не яросшь шо была слѣбая,
 Чшо мигомъ вспыхнешѣ и пройдетѣ. . .
 Нѣшѣ, эшо аспидѣ, сокрывая
 Свой ядѣ, въ груди его живешѣ.
 Жестокой опышносши сила,
 Чшо сосшраданія чужда,
 Чшо вѣрною рукою всегда
 Врагу погибель наносила —
 Всѣ эшо съ склонносшью людей
 Ввѣряшься мнѣню худому. . .
 Всѣ, Лара, надѣ главою швоею
 Нависло въ шучахѣ полныхѣ грому —
 Враги, и мершвою и живою,
 Уносяшѣ грушный швой покой.

Въ шомъ краѣ много недовольныхъ.
 Крещьянинъ съ грустію взиралъ,
 Какъ шрудъ его, въ пирахъ заспольныхъ
 Владыка гордый истреблялъ.

Онъ несъ тяжелыя оковы,
 И въ безнадежности шупой,
 Гнешомъ желѣзною рукой,
 Клялъ шайно жребій свой суровый.

.

Въ умахъ дремошы шишина,
 Но шишина предъ пробужденъемъ. —
 Одинъ лишь Лара былъ чужой
 И угнешенью не причасный;
 Его лишь селянинъ несчастный
 Не клялъ, шрудяся надъ сохой.
 Спрашились всѣ его сначала —
 Но снисходительность его
 Ему подвласныхъ ободряла;
 И всѣ взирали на него
 Не съ страхомъ...съ чувствомъ соспраданья...
 Причиной горести, молчанья,
 Болѣзнь счишали.—Лары домъ

Приюшѣ былѣ вѣрный угнешеннымѣ ,
 Ковчегомѣ благоспи священнымѣ
 Тому, кто съ бѣдшвиѣмѣ знакомѣ.
 Пишая горькое презрѣнье
 Кѣ вельможамѣ знашнымѣ и князьямѣ,
 Онѣ былѣ опрада, ушѣшенье
 Забытымѣ счастья сынамѣ;
 Онѣ ихѣ подпора — не словами,
 На самомѣ дѣлѣ и шолнами
 Кѣ нему спекалось; съ каждымѣ днемѣ
 Число пришельцевѣ умножалось,
 Какѣ шокѣ рѣки подвѣяшѣ дождемѣ,
 Такѣ въ замкѣ Лары наполнялось.
 Съ шѣхѣ порѣ какѣ скрылся страшный врагѣ,
 Еще привѣшиѣ онѣ со всѣми,
 И Графа Лары каждый шагѣ
 Извѣшенѣ благоспѣми однѣми
 Боялсяль Ошшо онѣ сѣшей ,
 Когда не сшало Еццелина,
 Иль неизвѣспная причина
 Владѣла имѣ. . . но для людей
 Бываюшѣ важны лишь дѣянья, —
 Безпечны шамѣ раба сшяжанья ,
 Онѣ самѣ подѣ кровомѣ; сшарѣ и младѣ
 Владыку всѣ богошворяшѣ. —

Наспалъ ужъ грозный день для Лары:
 Его такъ долго Опшо ждалъ. . .
 И на главу врага собралъ
 Давно шамые удары.
 Наспалъ шотъ день. . . но сонмъ бойцовъ
 Жилище Лары окружаешъ,
 И дикой крикъ до облаковъ
 Прошивнымъ въ ужасъ доспигаешъ.
 Графъ далъ свободу всѣмъ рабамъ
 Въ шотъ день ошмщенью обреченный ,
 И злобой давней упоенны,
 Они всѣ ринулись къ мечамъ.
 Раздались грозные призывы
 И клятва мстишь . . .

.

Мяшежъ кровавою рукою
 Махнулъ — и двигнулъ буйный спанъ.
 За испуленную шолною
 Ужъ рыцешъ волкъ, лепашъ вранъ.

9

Младый монархъ спраны несчастной
 Не уважаемъ былъ ни кѣмъ,

И наждый князь ему подвласной
 Сильный монарха был во всемъ.
 Обоихъ рабъ ихъ ненавидѣлъ —
 Въ одномъ лишь шѣнь владыки видѣлъ,
 Въ другомъ злодѣя своего.
 Ужь искра плѣлась подъ золою,
 Ужь мечъ висѣлъ надъ ихъ главою. . .
 Недосшавало одного:
 Когожъ? — Вождя на полѣ брани!
 Теперь найденъ — и спалъ во длани
 Грозой убійственной блещишь,
 Вождемъ ихъ — Лара бышь обязанъ. . .
 Онъ шѣснымъ узломъ съ ними связанъ,
 Ему ихъ изсшупленье щипъ.
 Та ночь и встрѣча Еццелина
 Покой у Лары ошняла,
 И бурная спрасшей пучина,
 Чшо въ хладной груди прилегла,
 Разшалась со своей могилой,
 Возшала съ обновленной силой —
 Онъ вновь спалъ шѣмъ, чшо прежде былъ,
 Лишь поприще перемѣнилъ.
 Не ради жизни или славы
 Онъ обнажилъ свой мечъ кровавый. . .

Нѣшъ, онъ считалъ себѣ за честь
 Руководишь вассаловъ мещъ.
 Создавъ себя орудьемъ мщенья,
 Онъ благъ народа не искалъ :
 Онъ угнетенныхъ поднималъ,
 Для гордой власти униженья.
 Онъ удалялся отъ людей,
 Желалъ забытымъ быть судьбою —
 Но рокъ враждебною рукою
 Воспламенилъ въ немъ огонь спрасшей.
 Онъ былъ холодный жизни зришель ;
 И наблюдалъ другихъ дѣла. . .
 Теперь онъ воинъ, предводишель,
 И бодрость въ сердце ожила,
 И дикость дивная одѣла
 Досель бездушныя чершы ;
 Исчезли мрачныя мечшы —
 Душа ошвагой пламенѣла.

10

Кому пріятно начертанье
 Кровавыхъ ужасовъ войны,
 Гдѣ пылкіе ея сыны
 Приносятъ въ даръ существованье,
 Гдѣ ждешъ добычи хищной вранъ,

Гдѣ счастье жизнию играешь,
 Гдѣ нивы плодоносныхъ странъ
 Смерть прахомъ камней засыпаетъ!
 И здѣсь война была войной —
 Но съ большимъ лишь ожесоченьемъ. . .
 Пощады вѣшь предъ изсупленьемъ,
 Кровь бурною шечетъ рѣкой.
 Поборникъ волѣ и неволѣ
 Губишь прошивниковъ своихъ;
 Подъ жертвами спенаешь поле —
 И мало жертвъ еще для нихъ.
 Огонь и мечь опустошаютъ
 Жилища мирныя семей,
 Спенаье женъ и плачь дѣшей
 Убийцъ къ убійству ободряютъ.

11

И первый мѣненія порывъ
 Склонилъ успѣхъ къ дружинамъ Лары. . .
 Тамъ смерть, гдѣ слышны ихъ удары —
 И врагъ бѣжитъ, ряды открывъ.
 Мгновеннымъ счастьемъ увлеченный,
 Не слышитъ воинъ гласъ вождя,
 И пораженъе упредя,
 Всѣ вслѣдъ спѣшатъ толпѣ смятенной.

Безумцевъ яросшь усмиришь
 Графъ хочешь громкимъ повелѣньемъ,
 Но воды ль съ горъ оспановишь
 Въ ихъ сокрушающемъ спремленьи?
 Они бѣгущъ. . . и хищрый врагъ
 Ихъ опсшупленьемъ увлекаешь.
 И вопъ ужъ каждый воевъ шагъ
 Засада, напискъ зашрудняешь.
 Усшалость, голодъ, зной и хладъ
 Крушашъ духъ воиновъ надменный. . .
 Такъ ржавчины плешворный ядъ
 Грызешъ мечъ въ крови закаленный.
 Они рвались опважно въ бой
 И въ брани смерть въ ничшо вмѣняли . . .
 Но въ бой лешя не ожидали
 Борьбы шомишельной съ нуждой.
 Волѣзнью, голодомъ пустѣющъ
 Опважные ряды бойцовъ —
 И руки сильныя нѣмѣющъ
 Предъ ликомъ грозныхъ сихъ враговъ.
 Надежда воли, слава, мщенье
 Ужь не владѣющъ духомъ ихъ. . .
 Угасъ восшоргъ мгновенный въ нихъ —
 И пробудилось сокрушенье.

Одинъ лишь Лара бодръ душой,
 Среди унынія дружины;
 Лишь онъ возвышенъ надъ толпой,
 Съ презрѣниемъ сносишь гнѣвъ судьбины.
 При немъ лишь горсть его людей
 Еще способныхъ для сраженья
 Безсильной храбросью своей.
 Но въ битвѣ нѣтъ для нихъ спасенья.
 Граница близко — вошь одно,
 Чшо движешъ слабыми толпами;
 Въ Ошечешвѣ имъ суждено
 Иль умереть, иль быть рабами!
 Ахъ! грустно бросишь кровь родной
 Для добровольнаго изгнанья. . .
 Но смерть, иль рабство — и страданья
 Ведущъ ихъ за рубежъ чужой.

12

Они идутъ — и пушь печальной,
 Какъ бы свѣщою погребальной,
 Имъ озаряешъ блескъ луны;
 Вошь слышенъ плескъ уже волны,
 Рѣка граничная спруишя
 Въ своихъ безмолвныхъ берегахъ,

И на задумчивыхъ водахъ
 Свѣшъ длинной полосой ложишься
 Они идушъ—но шьмы враговъ
 Ихъ ожидаюшъ надъ рѣкою. . .
 Бѣгише вспяшь — но шумъ шаговъ
 Въ шьлу . . . съ опважною шолною
 Имъ Ошшо по пьшамъ слѣдишъ!
 Чшо за огни надъ висошми?
 Бышъ можешъ пасшухи съ спадами? . .
 Нѣшъ, други, копьевъ лѣсѣ споишъ.

13

Минушный опдыхъ! Въ нерѣшеньи
 Папасшь, иль ждашь самимъ врага,
 Они стояшъ въ средѣ круга
 Прошивниковъ въ нѣмомъ смяшеньи;
 Имъ не пробишь стѣны щиповъ:
 Одно имъ гибель и другое. . .
 Опчаянье не прашишъ словъ —
 И нападенье роковое
 Избрали всѣ: «мы нападемъ,
 «Свободны будемъ, иль умремъ!»
 Въ движеньи всѣ, сѣдлаюшъ коней,
 Звеняшъ мечи и броня съ броней,

Огнемъ пылаешь каждый взоръ. . .
 Всѣ слова ждущъ — ужъ все готово. . .
 И Лара молвишь — это слово
 Для многихъ смерстный приговоръ !

14

Печашь безмолвной, пяжкой думы
 Лежишь у Графа на челѣ.
 Во длани мечъ — онъ взоръ угрюмый
 Вперись по къ пажу, по къ землѣ.
 Почти опчаянья спраданье
 Храняшь холодныя чершы,
 И чувствъ сердечныхъ полношы
 Измѣнникъ — мрачное молчанье.
 И Каледъ не разлученъ съ нимъ:
 Онъ слишкомъ вѣренъ, чшобъ спрашишься
 Дѣлишь съ владыкою своимъ
 Опасность боя. . . Блѣдность зришь
 Въ чертахъ пажы; бышь можешь, свѣшь
 Луны шу блѣдность производишь —
 Или предчувствіе наводишь
 Его ланишамъ мершвый цвѣшь. . .
 Графъ видишь въ немъ душевну муку —
 И юношѣ печально руку

Пожалъ онъ . . . не дрожишь она,
 Но жизнь въ крови едва слышна.
 Уша молчашъ — но взоръ снѣдливый
 Пріялъ языкъ краснорѣчивый,
 И взоръ сей Ларѣ говоритъ:
 «Лишь смерть съ тобой насъ разлучишь.»

Знакъ поданъ: шѣсною шолною
 Лешащъ бойцы въ ряды враговъ.
 Заржали кони, сшукъ щиповъ —
 Раздался кликъ призывный къ бою. . .
 Блесшишь въ рукахъ булашъ кривой —
 И смерть несешъ и отражаешъ! . .
 И новый день рѣка встрѣчаешъ,
 Спруясь кровавою волной.

15

Повсюду Лара межъ своими,
 Когда мечъ вражій ихъ сбчешъ;
 Хранишель ихъ, онъ передъ ними
 Прошивнымъ гибель, смерть несешъ.
 Повсюду голосъ раздаешся
 Своимъ въ надежду, въ страхъ врагамъ. . .
 Гдѣ мечъ его, шамъ по рядамъ

Какъ Ангелъ смерти пронесешся.
 Онъ самъ погибель ясно зришь,
 Но оживляешь духъ убишый. . .
 Онъ зришь къ спасенью пушь закрышый
 И безощадно всё разишь.
 И вошь звучашь побѣды клики —
 Дружина храбрая за нимъ. . .
 Расплѣлся врагъ, какъ въ полѣ дымъ,
 Ошъ сильной мышцы ихъ владыки —
 Спасенья лучъ. . . Но гдѣ же Графъ?
 Поникнулъ шлемъ его космашый;
 Онъ самъ къ лукѣ сѣдла принавъ,
 Внезапной смершю объяшый
 Чушь дышешъ. . . свиснула стрѣла —
 И гдѣ ремни связуюшь лапы,
 Какъ демонъ мщенія крылашый,
 Смершь въ сердце буйное внесла.
 Повисла мощная десница,
 И шлѣнья ликъ во всѣхъ чертахъ . . .
 Такъ вдругъ скрывается денница
 За черной тучей въ небесахъ.
 Уже хладѣющей рукою,
 Онъ ухватилъ луку сѣдла —
 И въ длани сжатой замерла

И сила съ острой полосою.
 Свободенъ конь безъ поводовъ
 Сшоитъ: но Каледъ ихъ хвашаетъ;
 Ноня онъ съ Графомъ увлекаетъ
 Изъ шьмы озлобленныхъ бойцовъ. . .
 Не шихнетъ сбча — нѣтъ ужъ Лары,
 А градомъ сыплюся удары.

16

Исчезла ночь — и дневный свѣтъ
 Упалъ на жершвѣ нещадной смерши;
 Кипѣвшей брани видѣнъ слѣдъ.
 Здѣсь конь и всадникъ съ нимъ простершый,
 Обломки копьевъ, сабля, щитъ,
 И шлемъ ударами измяшый,
 И окровавленные лапы;
 Иной средь муки смершной зришь,
 Какъ близъ его спруя шрепещетъ
 И свѣжесью прохладной блещетъ;
 Томимый жаждой онъ слѣдитъ
 За ушекающей волною,
 Ползетъ напрягши силы къ ней. . . .
 Вошь онъ надъ самою водою,
 Склонился къ зеркалу зыбей —

Но жажда сгибла подъ ушами,
 Въ глазахъ померкнулъ жизни свѣшъ. . .
 И быстрая рѣка шечешъ,
 Качая голову волнами.

17

Далеко мѣшъ кровавыхъ сихъ,
 Подъ шѣнью дерева гусшаго ,
 Мы Лару зримъ полуживаго.
 Съ хрипошой смерти онъ зашихъ.
 Къ нему склонившись, Каледъ вѣрный
 Надъ умирающимъ сшоялъ —
 И шарфомъ въ язвахъ ушоялъ
 Ключи гусшыя крови черной.
 Какъ Лара переводитъ духъ ,
 Она шо льешся, шо печнями
 На ранахъ сохнешъ; брызнешъ вдругъ,
 То каплешъ, шо бѣжешъ струями.
 Своей безчувсшвенной рукой,
 Одолѣвая смерти муку,
 Онъ пожимаешъ слабо руку,
 Хранящую его покой.
 Глава шяжелая склонялась
 Въ нолѣна пажя. . . и Каледъ

Смошрѣлъ, какъ смерть въ очахъ являлась,
 Какъ свѣлъ въ ланишахъ жизни цвѣшъ. . .
 Смошрѣлъ, какъ сокрывали вѣжды
 Ему послѣдній лучъ надежды.

18

Враги присѣбли; стихнулъ бой. . .
 Но ихъ успѣхъ былъ ненадежный,
 Пока ешь Лара подъ луной
 Чшобъ предводишь шолпой мяшежной.
 Они присѣбли — зряшъ его.
 Взоръ Лары вспрѣшилъ ихъ презрѣньемъ:
 Оно послѣднимъ ушѣшеньемъ
 Въ часъ смерти было для него.
 И Ошно здѣсь: онъ зришъ шого
 Въ крови своей, при двери гроба,
 Чей незадолго ошрый мечъ,
 Чьи незадолго мщенье, злоба,
 Искали дни его пресѣчь.
 Вопросъ онъ Ларѣ предлагаешъ:
 Но сей врагу не ошвѣчаешъ,
 И ужъ косиѣвшимъ языкомъ
 Вспунаешъ въ рѣчь съ своимъ пажѣмъ.
 Внимаюшъ всѣ: но словъ значенье

Имъ не понятно. Лишь Каледъ
 Одинъ ихъ понялъ и отвѣтъ
 Онъ далъ на чуждое рѣченье.
 Казалось оба въ дняхъ былыхъ
 Воспоминаніемъ блуждали;
 Нѣтъ настоящаго для нихъ.
 Какъ шѣни изъ гробовъ всѣхъ
 Предъ ними давнія дѣла. . .
 Напрасно будутъ смертныхъ очи
 Слѣдить за ними въ вѣчной ночи —
 Ихъ кроетъ грозной шайны мгла. —

19

И долго длилась ихъ бесѣда. . .
 Казалось смерть въ очахъ Каледа
 Была яснѣй, чѣмъ на чертахъ
 У Лары — звуки замрали
 Въ безцвѣтныхъ юноши ухахъ!
 На ликъ графа нѣтъ печали,
 Что долженъ онъ покинуть свѣтъ;
 Нѣтъ покаянья, нѣтъ боязни
 Грядущей жизни или казни —
 Ни страха — ни надежды нѣтъ.

И съ взоромъ полнымъ умиленья
 Онъ пажу указалъ рукой
 Туда, гдѣ свѣша пробужденье
 Блишало пламенной красой.
 Къ чему сей знакъ его къ Востоку ?
 Воспоминаньяль прежнихъ дней
 Влекло его въ срану далеку,
 Иль изъ зашучи блескъ лучей
 Манилъ его къ сранѣ надзвѣздной ? . .
 По отвращивши взоры слезны
 Къ Востоку юноша не зришь —
 Его блуждающія очи
 На Лару пали. . . шамъ лежишь
 Весь ужасъ мрачной, смершной ночи. . .
 Но шлѣшь сила жизни въ немъ
 Полупогаснувшимъ огнемъ.
 Символь любви и примиренья
 Подносяшь крестъ ему свяшой —
 Но онъ съ безчувственностью злой
 Смошрѣлъ на образъ пскупленья.
 И Каледъ въ горести нѣмой
 Ошвелъ съ поспѣшностію руку,
 Державшую предъ Ларой крестъ,
 Чшобъ не сугубишь друга муку

Въ послѣдній часъ, средѣ здѣшнихъ мѣстъ. . .
 Казалось онъ незналъ ученья
 Чшо жизнь другая естъ для насъ —
 Чшо вѣры, покаянья гласъ
 Одинъ ведешъ насъ въ край спасенья.

20

И тяжелѣе Графъ дышалъ —
 И взоровъ блескъ покрылся тѣною. . .
 Попикнувъ въ пажу головою
 Онъ пошянулся. . . и прижалъ
 Каледѣ руку въ груди холодной. . .
 Не бьется сердце — вѣчный сонъ.
 Но ищешь Каледѣ безотрадный
 Въ немъ знака жизни. . . «Дышетъ онъ!»
 Прочь, прочь, мечшатель ты несчастный. . .
 Лишь плѣнья памятникъ ужасный
 Тебѣ сей образъ сохранилъ —
 Сей оставъ бранный Ларой былъ —

21

И смотришь пажъ, на шрупъ любезной. . .
 Земля лежала на землѣ —
 И нѣтъ въ очахъ отрады слезной,

Лишь муки сердца на челѣ.
 Не рвешь онъ волосы густые,
 Не палъ на шѣло — онъ молчишь,
 Вперилъ лишь очи огневая
 На Графа . . . вдругъ упалъ, лежишь
 Тому подобно, кшо земныя
 Съ собой ушѣхи взялъ его.
 Его? . . . но сердцу ли мужскому
 Быть съ пѣжнымъ чувствомъ шѣмъ знакому
 Чшо въ сердце женскомъ рождено?
 Слѣшишь на помощь сосраданье —
 Освободишь пажа дыханье
 Ошкрыли грудь—и полъ ошкрышь. . .
 Она жива—и жизни сила
 Проснулась въ ней. . . но чуждѣ ей спыдѣ —
 Его взяла любви могила.

22

И Графа Лары хладный прахъ
 Почешь не съ ошцами,
 Онъ погребенъ на шѣхъ поляхъ
 Гдѣ былъ сраженъ врагами.
 И мирно спишь онъ подѣ землей

Чшо кровь его багрила. . .
 И не вѣщаешь мавзолей
 Кого шапшѣ могила.
 И шихой горесши полна
 Каледѣ надѣ ней блуждаешь,
 И шайны мершваго она
 Отѣ всѣхъ очей скрываетѣ.
 Напрасно угрожающѣ ей —
 Чшобѣ знашь какія спраны
 Зовешѣ опчизною своей
 Сей пажѣ не разгаданный. . .
 Она молчишѣ — и вѣ глубинѣ
 Сердечной шайна шлпшя —
 И сѣ сердцемѣ вмѣстѣ на землѣ
 И шайна сокрушишя,
 Какой-шо дивною рукой
 Ихѣ жребій соплешался. . .
 И дальновидности людской
 Вѣѣ шайною оштался.

23

И кромѣ язвы смершной шой
 Нашли на шѣлѣ Графа раны
 Уже подѣ времени рукой

Зажившія. Какія спраны
 Съ мечемъ въ рукахъ онъ прошекалъ!
 Какому враю лѣша жизни
 Принесъ на жертву? . . не въ опчизнѣ
 Онъ славу бравную спяжалъ,
 И не въ опчизнѣ съ пресшупленьемъ
 Спознался онъ. . . межъ всѣмъ швореньемъ
 Нашелся дивный Еццелинъ,
 Который зналъ его дѣянья —
 Опаснымъ былъ лишь онъ одинъ —
 И вѣрно палъ отъ злодѣянья.

24

Въ ту ночь — на синевѣ небесъ
 Луна ужъ предъ зарей блѣднѣла —
 Въ ту ночь, какъ ссора закипѣла —
 Шелъ дроворубъ чрезъ ближній лѣсъ
 Вдоль быстраго рѣки потока.
 Вдругъ копскій шопотъ и къ рѣкѣ
 Несется всадникъ — на лукѣ
 Лежало что-шо. . . плащъ широкой
 Отъ взоровъ ношу шу скрывалъ.
 Подозрѣвая пресшупленье

Крещьянинъ подъ кушны запалъ
 Вошъ всадникъ прыгнуулъ. . . волнъ въ шремленье
 Онъ бросилъ скрышое плащёмъ —
 Оно нырнуло и пошомъ
 Всплыло надъ зыбкими волнами. . .
 И ошорожными шагами
 И всадникъ вдоль печенья шель,
 Кида камнями порою
 Чшобъ скрышь пльвущее водою,
 Вошъ камень шяжкй полешълъ
 И ноша въ волны опушплась. . .
 Подъялась вновъ и обагрилась
 Волна кровавою спруей
 И все изчезло подъ водою.
 Но озаренную луною
 Крещьянинъ видълъ грудь съ звѣздою,
 Сокрылось всё — и всадникъ въ мигъ
 Понесся изъ лѣсу шрѣлою. . .
 Его бв и вихоръ не наспигъ.
 Кшо онъ? . . но шанъ и ливъ закрышын
 Его шаили ошъ очей —
 И въ свѣшѣ мѣсячныхъ лучей
 Не видно вдаль, кшо былъ убишый?
 Извѣшно шо лишъ, чшо когда

Межь рыцарей случилось пренье,
 То Еццелину украшеньемъ
 Была алмазная звѣзда.
 Коль шо былъ онъ—въ зыбучемъ гробѣ
 Ему назначенъ вѣчный сонъ.
 Волной размышъ — или въ ушробѣ
 Морскихъ чудовищъ погребенъ
 Изчезъ несчастный. Сладкобъ было
 Мечшашъ, что вязаго волной
 Не Лары мщенье погубило.

.

25

И Лара — Еццелинъ—Каледъ,
 Почили всѣ — ихъ въ мѣрѣ нѣшъ,
 Она осшалась шамъ, гдѣ милой
 При ней былъ взятъ сырой могилой.
 Сидитъ — и впавшіе глаза
 Не смочитъ крошкая слеза.
 Въ ней нѣшъ опчаянья порыва —
 Она шиха и молчалива. . .
 И вянешъ въ горести нѣмой
 Какъ цвѣшъ подрѣзанный косою.
 Но не описанная злоба,

Владѣла ей когда искалъ
 Ошвлечь бы кто ее отъ гроба,
 Гдѣ сердца избранный лежалъ.
 И часто въ сладкомъ заблужденьи
 Она съ любезнымъ говоритъ —
 И мыслишь раненой лежишь
 Въ ея колѣнахъ въ усыпленьи,
 Она заботливой рукой,
 Кровь въ язвахъ уполяешь —
 И воздухъ охватя пусшой
 Въ объятіяхъ сжимаешь.
 И призракъ неразлученъ съ ней
 Какъ шѣнь съ лучемъ свѣшила;
 И собесѣдникъ милый ей
 Безмолвная могила.
 Порой же видишь вдругъ она
 Какое то видѣнье. —
 И страха шайнаго полна
 Взираешь на явленье;
 Зовешь любезнаго къ себѣ
 И манишь за собою;
 То вдругъ садитъ на песокъ
 Подъ липою густою,
 И черпишь чуждые слова

Въ удѣлъ воспоминавнью. . .

И поникаешъ голова

Надъ изсушенной дланью. —

И скоро часъ ея пробилъ,

И гробъ подруги вѣрной

Вину и шайну заключилъ,

Съ любовію примѣрной. —

